

ческих документов⁹ и в нашем случае скорее всего соответствует понятию «безвозмездного дарения».

3. Читается в лигатуре **Н**. Частое употребление лигатур отмечается в известной надписи из Тигранокерта¹⁰.

4. В армавирской надписи¹¹ читаются имена Μίθρας и Ἐρβντης, чем свидетельствуется наличие их в числе древнеармянских царских имен. Соответствующее сочетание этих имен дало бы чтение, достаточно близкое к имени Ἐρδομιθρα.

5. Σ вместо ξ в написании этого имени не должна особенно удивлять. Сравня у Диона Кассия, LIV, 9; Ἀρτάξην вместо Ἀρτάξην. Нередкость замены Σ на ζ и наоборот в именах собственных свидетельствуется многократно керамической эпиграфикой.

6. Πόλις Νίγη указан Птолемеем (Geogr., V, 11, 3) для соседней с Арменией Албании, чем во всяком случае подтверждается бытование этого наименования на Кавказе в римское время. Следует принять во внимание, что вследствие картографических aberrаций часть албанской топонимики очуталась у Птолемея в Мидии, поэтому надо иметь в виду возможность подобных же перемещений и из Армении в Албанию. Наличие имени Ниг для средневекового Апарана свидетельствуется Моисеем Хоренским¹².

7. Слово Φεβράρις, достаточно несомненно читающемся в последней строке, подтверждает, мне кажется, то, что мы имеем здесь дело именно с датой, чем и определяется правомочность восстановления, предложенного В. В. Латышевым. О том, что эта строка была и первоначально последней строкой надписи, свидетельствует, быть может, ее укороченность с обеих сторон по сравнению с другими строками. Камень, на котором нанесена надпись, представлял собой первоначально, вероятней всего, довольно высокий столб, мыслимый в качестве пограничного или межевого знака.

Некоторые изменения, внесенные нами в чтение апараяской надписи, подтверждают то ее понимание, которое было установлено в свое время М. И. Ростовцевым с помощью его ученых коллег как надписи дарственной. Однако дарение это следует понимать не в смысле предоставления средневекового лена, ставившего получавшего лена в вассальные отношения к дарителю с наложением на него определенных обязательств, засвидетельствованных в Армении для более позднего времени. Здесь мы имеем пример безвозмездного «кормления» того ахеменидского образца, который свидетельствуется Геродотом и Ксенофонтom.

Л. А. Ельницкий

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ В ДРЕВНОСТИ И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

I. ВВЕДЕНИЕ

В данной статье автор стремился собрать и систематизировать наиболее важные вопросы, касающиеся контактов между племенами, которые жили на польских землях в первые века нашей эры, и Римской империей. Критические и дополнительные замечания делаются здесь лишь по ходу изложения. Однако даже систематизация отдель-

⁹ F. Preisigke, Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden, II, 1925, стр. 144, s. v.

¹⁰ Тревер, ук. соч., табл. 89.

¹¹ Болтунова, ук. соч., стр. 44.

¹² «География», в изд. Пятканова, 1877, стр. 53; Тревер, ук. соч., стр. 279 сл.

ных положений, включающая в себя момент их оценки, неизбежно ведет к выдвижению новых вопросов и к более четкой формулировке выводов, сделанных раньше другими исследователями или автором этих строк.

II. ТРАДИЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

В трудах, опубликованных на протяжении последнего десятилетия, особенно в первые его годы, мы отмечали, что вопрос об отношении племен, живших на территории Польши в первые века нашей эры, к Римской империи рассматривался в «проримском аспекте». Этими словами я пытался охарактеризовать такую исследовательскую позицию в рецензии на книгу К. Тыменецкого «Польские земли в древности»¹, где автор книги говорит о «культурном покорении венецско-славянских земель Римом»², ссылаясь при этом на близкую точку зрения проф. Ю. Костржевского³.

Этот «проримский аспект» должен быть подвергнут критике в наших исследованиях античного мира и его контактов со славянскими племенами. Общеизвестно, что он представлял собой орудие политической борьбы в концепции Моммзена, которая явным образом была прислужницей прусского империализма. На это обстоятельство правильно обратил внимание и его резко осудил великий польский гуманист и знаток античности К. Моравский⁴.

Разумеется, критическая оценка «проримского аспекта» предыдущих исследователей не должна вести к другой крайности в изучении исторического значения римско-славянских контактов. Но об этом несколько ниже.

III. ПОВОРОТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исследование начальных периодов польского государства, которое, как мы иногда говорили на наших конференциях, имело своей целью «вскрыть корни польской государственности», было отодвинуто вглубь до так называемого римского периода, что означало, в первую очередь, усиление раскопок поселений того времени. В этих условиях возникла необходимость продумать вопрос об археологических исследованиях римского периода на польских землях; прежде всего следовало наметить конкретные задачи, которые были определены следующим образом:

А. Углубление наших знаний об экономике и культуре племен, проживавших на территории Польши в конце латенского и в римский период, путем: 1) организации в значительных масштабах раскопок и публикации источников; 2) подготовки монографий по отдельным отраслям производственной и художественной деятельности местного населения того времени.

В. Исследование исторического значения контактов этих племен с римскими, в частности придунайскими, провинциями путем: 1) методологически правильной оценки предметов римского импорта в качестве исторических источников; 2) полного использования античных литературных источников; 3) организации исследования истории (следовательно, не только археологии) римских провинций в связи с соседними территориями, например Маркоманней; 4) разработки методики исследования предметов римского импорта.

Несколько замечаний об этих проблемах.

¹ «Kwartalnik Historyczny», LXI (1953), стр. 202—240.

² К. Т y m i e n i e s k i, *Ziemia polskie w starożytności*, Познань, 1951, стр. 462. Аналогичные взгляды высказывали ученые, по крайней мере, с начала XIX в. Равным образом и в археологической литературе междувоенных лет вопрос о контактах наших земель с Римской империей рассматривался под углом зрения влияния и экспансии римской цивилизации.

³ J. K o s t r z e w s k i, *Od mezolitu do okresu wędrówek ludów*, Краков, 1939, стр. 312.

⁴ К. М o r a w s k i, *Rzym i narody*, Краков, 1924, стр. 8.

А. В последние годы можно отметить начало исследований в указанных направлениях и даже появление первых печатных трудов. 1) Создана хорошая организационная и материальная база для широких исследований в Иголомии, где организована археологическая станция. Работы в районе Калиша и его окрестностей преобразованы в стационарные. 2) Началось исследование гончарного дела и металлургии латенского и римского периодов на польских территориях; ведутся также работы по изучению производства и общественного строя в южной Польше в первые века нашей эры.

В. В области исследования исторического значения контактов обитателей наших земель с римскими провинциями относительно много сделано в следующих направлениях: 1) Методологическая перестройка археологии, ее частных методов и техники исследования дает археологам возможность значительно шире использовать предметы римского импорта для исторических выводов. На это обстоятельство я обращаю особенное внимание, так как археологи-антички, прежде всего буржуазные, все еще недооценивают в своих исследованиях источниковедческие вопросы. Они все еще обращают слишком мало внимания на научную критику археологических памятников в плане их максимального использования для восстановления процесса исторического развития. Советская историческая наука дала громадное число примеров, как следует использовать археологические источники для исторических исследований и, оценивая любую археологическую работу, она правильно ставит основной вопрос, подошел ли автор по-марксистски к использованию археологических и прочих литературных, иконографических и т. п. источников. С особенной силой этот источниковедческий постулат подчеркивается редакцией ВДИ в ее прекрасном редактируемом разделе критики и библиографии⁵.

Применение этого исследовательского метода позволило обогатить содержание предметов импорта как исторических источников и дало возможность попытаться использовать их для изучения новых и существенных вопросов процесса развития племен, находившихся в контакте с Римской империей. Ныне мы понимаем, что предметы римского импорта могут служить в качестве определителей для таких вопросов, как: торговые пути, абсолютная хронология, инфильтрация римской культуры, места скопления жителей и центры власти предводителей племенных союзов. При этом мы ограничиваемся перечислением лишь наиболее важных моментов.

В порядке иллюстраций несколько слов о некоторых из этих вопросов:

а) Предметы римского импорта в качестве определителей этнических границ

В статье «Территория западнославянских земель в свете предметов римского импорта»⁶ я пытался поставить появление или исчезновение некоторых видов римского импорта на территории Европы в связь с этническими районами, иногда устанавливаемыми с большой долей вероятности на основании распространения определенных археологических культур. Таким образом, мне, по-видимому, удалось установить границу распространения некоторых предметов ввоза из восточных и западных распределительных центров римских провинций; эта граница более или менее совпадает с границей различных археологических культур от энеолита до первых веков нашей эры в бассейнах верхнего Прута, Днестра и Припяти.

Я пытался также связать восточную границу густого распространения бронзовых ведерок типа Немшоог и соответствующих им археологических культур с восточной границей германской территории, которая, как кажется, стабилизировалась в III и IV вв. н. э. на линии Эльбы и Заале (?). Это положение в общем было положительно

⁵ Здесь не будет лишним указать на одну из последних рецензий Я. А. Л е н ц м а н а на книгу П. Оливьи, ВДИ, 1955, № 1, стр. 87, ср. также Т. Z a w a d z k i, O niektórych aspektach historycznego spożytkowania materialnych zabytków przeszłości, «Archeologia», VI, 1954, стр. 1 слл.

⁶ «Archeologia» 1, 1947, стр. 185 слл.

принято рецензентами моего труда. Также Р. Ю. Эггерс⁷ на основании предметов римского импорта пытается подтвердить уже раньше выдвинутую археологами гипотезу, что река Парсента (?) была этнической границей между германскими и балтийскими племенами. Он также устанавливает на Двине границу между балтийскими и угро-финскими племенами. К сожалению, меня не полностью убеждают его аргументы. Особенно сомнительным представляется утверждение автора, что помещение в могилках бронзовых римских сосудов было немецким похоронным обычаем.

Автор новейшей статьи по этому вопросу — Р. Фишер⁸ правильно заявляет, что невозможно четко определить границу между поселениями славянских и германских племен в первые века нашей эры. Возможно, говорит он, что как славянские, так и германские племена переходили в те времена реку Заале(?). Не исключено также, что некоторые славянские и германские племена могли временами создавать один племенной союз под руководством «князей» и совместно бороться с другими племенами.

Надо отметить, что эта формулировка намечает направление исследований, которое, вероятно, позволит в будущем методологически правильно поставить и решить проблему славяно-германских пограничных земель в первые века нашей эры, отказавшись от расистских концепций.

б) Предметы римского импорта в качестве определителей путей торговли с Римской империей

В работе о предметах римского импорта на славянских землях я занял критическую позицию в отношении возможности установления торговых дорог вне границ империи. Вместе с тем я полагаю, что можно с большой долей вероятности попытаться определить торговые пути на основании археологических источников, следовательно, и при помощи предметов римского импорта. Подобным образом высказывается по этому вопросу и проф. К. Тыменецкий (ук. соч., стр. 464), а за ним и Эггерс (ук. соч., стр. 64 сл.). Эггерс выделяет в качестве «отправных пунктов» для торговли на дальнее расстояние только немногие центры распределения, а именно: Фектио (ныне Vechten), Могунтиак (ныне Майнц), Ветеру (ныне Ксантен), Карпунт и Ольвию (ук. соч., стр. 67 и 69: карта торговых путей). К аналогичным выводам на основании распространения римских монет уже раньше пришел Стуре Болин⁹.

Можно было бы, пожалуй, попытаться найти и другие центры распространения римских ремесленных изделий примерно такого же значения. Тем более возможно определить менее значительные центры, из которых вывоз направлялся далеко на север.

Так, например, мне кажется, что Бригедий посылал товары через Дунай в поселение, расположенное вблизи кастелла в Целемангии (Леанывар(?) под Комарно). Оттуда они направлялись долиной Вага и, возможно, через Яблунковский перевал достигали Малой Польши. Можно полагать, что в I и II в. н. э. здесь проходил торговый путь по территории, отличающейся значительной густотой населения и захоронениями знатных племенных вождей. Это доказывают «княжеские погребения» в местности Страже около Пьештя. Кроме того, надписи в Тренчине и другие исторические источники свидетельствуют о существовании в это время военной дороги из Бригедии в Тренчян.

Возможно, что центром распределения изделий, вывозимых на север, являлся также и Аквинк. Относительно керамики terra sigillata следует заметить, что до сих пор мы обращали слишком мало внимания на то, что центром распространения и про-

⁷ H. J. Eggerts, Der römische Import im freien Germanien (Atlas der Urgeschichte, т. I), Гамбург, 1951, стр. 60.

⁸ R. Fischer, Zur Erforschung des westlichen Slawentums, «Forschungen und Fortschritte», XXIX (1955), вып. 1, стр. 17—19.

⁹ Sture Bolin, Berichte der römisch-germanischen Kommission, XIX, 1929, стр. 142 сл.

изводства этих сосудов был именно Аквинк. Раскопками здесь был обнаружен большой гончарный квартал¹⁰, в котором во второй половине II в. производились не только сосуды типа *terra sigillata*, но и другие виды сосудов, а также светильники, терракоты, черепица и кирпичи¹¹. В Аквинк привозились также сосуды *terra sigillata* из мастерских в Галлии и Рейнской области. Там, вероятно, находились склады, откуда эти товары вывозились в различные части Паннонии и, быть может, за границы империи¹². Поэтому не исключена возможность, что центром распространения сосудов *terra sigillata*, которые производились в разных мастерских Галлии или Рейнской области, но были обнаружены в южной Польше, был также Аквинк. Они могли проникать на север через Моравские Ворота или Яблунковский перевал.

в) Предметы римского импорта как источник сведений о центрах власти племенных вождей

Большие скопления сокровищ и предметов импорта из империи в некоторой степени могут указывать на центры власти вождей племенных союзов, которые брали под свою опеку купцов, торговцев и странствующих ремесленников. Напомню сообщение Тацита («Анналы», II, 62) о богатом торговом центре при дворе царя маркоманов Маробода.

1. ПОЛНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТИЧНЫХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В этом отношении мы можем указать на три труда проф. Б. Билиньского: о путях античного мира к славянским землям в свете литературных источников, о западной границе славянских земель, согласно Помпонию Меле, и о Птолемеевой Калисии¹³. Необходимо упомянуть здесь и о работе доц. А. Наша «Венеды у Тацита и Птолемея», а также о весьма эрудированном с филологической стороны, но гиперкритическом реферате проф. Л. Пиотровича на VII Съезде польских историков в 1948 г. «Этнические сдвиги на польских землях в древности»¹⁴.

Одним из важных достижений последнего десятилетия в области анализируемой проблематики является установление сотрудничества наших археологов с историками древнего мира.

¹⁰ L. Nagу («Germania», XV, 1931, стр. 260 слл.; XVI, 1932 стр. 288 слл.) опубликовал ряд надписей, свидетельствующих о присутствии кельтских купцов в Аквинке. На основании известных ему источников он пришел к выводу, что с начала II в. в Паннонию привозилось много изделий из западных римских провинций, среди которых преобладали изделия из Кельна. Из этого большого производственного центра, как, впрочем, из всей Рейнской области, во II и III вв. в Паннонию привозились стеклянные сосуды *terra sigillata*, глиняные сосуды с надписями и терракотовые изделия. См. F. Fremersdorf, Rheinischer Export nach dem Donaauraum. Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte der römischen Kaiserzeit, «Laureae Aquincenses», I Будапешт, 1938, стр. 168 слл.

¹¹ V. Kuzsinszky, Das grosse römische Töpferviertel in Aquincum bei Budapest, Будапешт, 1932.

¹² D. Ivanyi, Die pannonischen Lampen. Eine typologisch-chronologische Uebersicht (Dissertationes Pannonicae), Будапешт, 1935; RE, Suppl., VII (1940), стб. 1342; Kiss, «Laureae Aquincenses», I (Dissertationes Pannonicae, 2-я сер., № 10), Будапешт, 1938.

¹³ B. Bilinski, «Archeologia», I, 1947, стр. 139—168, 359—361; II, 948, стр. 129—138, 493—495; V, 1952—1953 (1955).

¹⁴ A. Nasz, «Archeologia», II, 1948, стр. 177 слл.; L. Piotrowicz, в «Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 1948» Варшава, 1948, т. I, рефераты, стр. 173—183.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ
РИМСКИХ ПРОВИНЦИЙ

Работу над этой проблематикой требовалось организовать с самого начала. В междоувоенный период не было почти никакого сотрудничества между исследователями, занимавшимися «предисторией», и археологами-классиками. Интерес археологов-классиков к так называемому большому искусству или к раскопкам на отдаленных участках древнего мира оставал в тени, возможно, не столь эффективные, по тем не менее, несомненно, очень важные вопросы, которыми тогда, ввиду недостаточной подготовки, не могли в исследовательском плане заниматься «предисторик», но которые ныне должны разрабатывать польские археологи-античники. Однако даже в течение последнего десятилетия некоторые «предисторик» сопротивлялись этому необходимому повороту в области античной археологии.

В течение ряда последних лет мною выдвигалось требование тесного сотрудничества археологов-специалистов по истории Польши с исследователями античного мира (археологами Средиземноморья, историками древности и филологами-классиками). Такое сотрудничество особенно необходимо при изучении истории древней Польши в первые века нашей эры, при исследовании проблематики контактов обитателей польских земель с римскими провинциями¹⁵. Также и проф. Тыменецкий (ук. соч., *passim*) со всей силой подчеркивает необходимость совместного исследования истории славянских земель и античного мира. Аналогичным образом высказываются и некоторые более молодые историки, например Т. Завадский (ук. соч.).

3. РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ
РИМСКОГО ИМПОРТА

В дополнение к предшествовавшим попыткам¹⁶ определить наметки исследования предметов римского импорта на территории Польши их можно ныне сформулировать в расширенном виде. После составления каталога предметов римского импорта (вместе с местными изделиями, среди которых они были найдены) и разработки карты поздне-латинского и римского периодов с особым учетом предметов римского импорта мы сможем приступить к методическому изучению нашей проблематики, чтобы дать максимально исчерпывающие ответы на следующие вопросы:

а) Количество местонахождений предметов импорта по географическим районам (Малая Польша, Силезия, Мазовше, бассейн Вислы, Одера и т. д.).

б) Качество поселений с предметами импорта, в частности, их плотность на определенных участках раскопок, комплексы сопутствующих предметов (например, в инвентаре внутри жилищ, вне жилищ, вне поселений, в ямных могилах, в курганах, в сокровищах, случайные находки и т. д.).

в) Центры производства (мастерские) и датировка предметов импорта.

г) Центры распределения (торговые фактории); очень существенный вопрос для наших исследований, из какого именно распределительного центра (например, из Каррунта или из Аквинка) попали те или иные римские изделия на нашу территорию. Это, пожалуй, важнее, чем ответ на вопрос, где были произведены соответствующие изделия¹⁷.

¹⁵ K. M a j e w s k i, Przed konferencją archeologów polskich, «Archeologia», II, 1948, стр. 432; о н ж е, Archeologia Klasyczna w Polsce, «Archeologia», III, 1949, стр. 261; о н ж е, Projekt planu badań w zakresie archeologii Polski i archeologii klasycznej, «Kwartalnik historyczny», LVIII, 1950—1951, стр. 347.

¹⁶ K. M a j e w s k i, Problematyka badań nad importami rzymskimi na ziemiach Polski, «Archeologia», III, 1949, стр. 211 сл.; см. St. G ą s i o r o w s k i, «Archeologia», V, 1952—1953 (1955), стр. 238.

¹⁷ С тезисом о распределительных центрах, выдвинутым в указанной в предыдущем примечании статье, согласился Ю. А н т о н е в и ч в статье «Z badań nad produkcją antycznych wader brązowych, znalezionych w Polsce», «Wiadomości archeologiczne»,

д) Пути, которыми предметы импорта проникали из центра распределения на нашу территорию.

е) Время проникновения предметов импорта. Установление очередности проникновения отдельных видов римского импорта имеет большое значение для подтверждения или опровержения тезиса о наиболее ранней в принципе инфильтрации предметов роскоши из центров более высокой цивилизации к первобытным племенам.

ж) Как и кем использовались предметы импорта (в частности, какой социальной группой: например, вождями, странствующими ремесленниками и т. д.).

з) Ремонтировались ли или перерабатывались данные предметы импорта, где и когда?

и) Время вложения предмета импорта в погребение, когда было закопано сокровище, когда перестали пользоваться предметом, или когда он подвергся порче.

к) Повлияла ли данная группа предметов импорта на местное производство, или же она играла роль «экзотического импорта» (например, фигурки из бронзы, вотивные предметы), который мог попасть даже в качестве военной добычи, или быть оставленным грабителями или же являться подарками племенным вождям (например, золотые медальоны).

л) Могла ли данная группа предметов импорта воздействовать на производство местных племен, вызывая: 1) подражание, 2) усвоение.

Все эти вопросы необходимо рассматривать в широких территориальных рамках (например, западнославянские земли или даже вообще славянские земли) и базирясь на возможно широком использовании источников (сравнительные археологические материалы).

IV. ПОПЫТКА МАРКСИСТСКОЙ ТРАКТОВКИ ВОПРОСА

Советские археологи уже давно высказывают мнение, что проблема воздействия одной культуры на другую является неизмеримо сложной. Исследования буржуазных археологов, которые очень часто механистически трактуют эти вопросы, заявляя, что «более высокая» культура по своей природе должна воздействовать на «более низкую», мало чем содействуют выяснению исторической истины. Понятно, некоторые из буржуазных ученых могли иногда по-иному взглянуть и на этот вопрос.

Однако только в советской археологической и исторической науке эти исследования приобрели должное направление. Прежде всего было выдвинуто требование изучать развитие культур первобытных обществ, которые могли находиться под влиянием цивилизованных народов. В частности, обращалось внимание на вопрос о воздействии греческой культуры на скифские племена.

В отличие от традиционной трактовки греческой колонизации на северном побережье Черного моря, так сказать, с «греческой стороны», основное направление исследований было обращено на объективные исторические условия развития местных племен (главным образом скифов), подходы к вопросу как бы со «скифской стороны».

Такое направление представляет книга А. А. Пессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья»¹⁸, в которой сильно подчеркивается, что вопрос об основании греческих колоний решался в последней инстанции не географическим положением, а уровнем социально-экономического развития местных племен. А. А. Пессену важно было рассмотрение греческо-скифских контактов как двустороннего процесса. В этом же направлении в принципе идет интерпретация явлений в серии «Причерноморье в античную эпоху», с таких же позиций написана работа Д. П. Каллистова «Северное Причерноморье в античную эпоху» и другие аналогичные труды.

Эта методологическая основа, требующая рассмотрения контактов между народами в плане двустороннего воздействия и прежде всего исследования уровня исторического

XIX, 1953, вып. 2—4, стр. 207 сл. Автор обсуждает требования, предъявляемые к изучению предметов римского импорта, найденных в Польше.

¹⁸ Рецензию см. в «Archaeologia», II, 1948, стр. 210 слл.

развития тех народов, которые раньше считались пассивными получателями материальных благ от более цивилизованных обществ, стала отправной точкой моих трудов в этой области.

В книге «Предметы римского импорта на славянских землях» я писал (стр. 27 сл.): «Активность была, следовательно, двусторонней. Поэтому, желая понять подлинные причины и тенденции развития римской экономической экспансии на славянских территориях, следует в равной мере исследовать социально-экономические отношения как в Римской империи, так и среди славянских племен...». Понятно, здесь дано неполное определение (так как надо исследовать полный исторический процесс, следовательно, и производительные силы и всю духовную культуру), но тем не менее оно указывает правильное направление работ¹⁹.

В нашей исследовательской работе необходимо особенно внимательно изучать уровень развития первобытных племен не только потому, что их роль недооценивалась в буржуазной историографии, но и потому, что угнетенные народы и их предки внесли большой вклад в общечеловеческую культуру.

Марксистская историография полностью оденывает влияния более развитых обществ на менее продвинувшиеся в своем развитии племена и народы. Однако она настаивает на необходимости исследовать в первую очередь «собственное» развитие, «собственный» исторический процесс и «собственные» традиции любого общества. Лишь на этом фоне следует изучать влияния и воздействия чужих обществ.

Контакты польских земель с Римской империей лучше всего прослеживаются в предметах римского импорта, найденных на территории Польши. В этой проблеме можно выделить следующий вопрос: 1) Каким образом предметы римского импорта проникали в области, расположенные вне границ империи, следовательно, и на польские земли?

V. ИНФИЛЬТРАЦИЯ РИМСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Раньше в археологической литературе высказывалось мнение, что римские изделия попадали на эти территории главным образом в качестве военной добычи. Позже обращалось большое внимание на торговые отношения. Ныне мы, пожалуй, склонны предполагать, что некоторая часть римских изделий попадала на наши земли в качестве военной добычи и даров племенным вождям, но что главная часть шла путем товарного обмена²⁰.

2) Кто приобретал наиболее ценные римские изделия? Мы полагаем, что их приобретали «князьки», племенные вожди, главари военных дружин, родовые старейшины и наиболее зажиточная родовая верхушка. Наиболее ценные предметы римского художественного производства часто клалась в погребения (изделия из бронзы, стекла, серебра, керамики). Это были большие, обычно обложенные камнем и отличающиеся богатым инвентарем погребения — так называемые «княжеские погребения» (например, в Закржове, Левге Пекарском и т. д.). Эти погребения, отличающиеся ценными римскими изделиями, вероятно, принадлежали представителям наиболее знатной племенной верхушки славян. Такое предположение, выска-

¹⁹ В качестве работы, определяющей направление исследований, моя книга была положительно оценена как польскими (проф. Костржевский, проф. Тыменецкий), так и советскими (Ф. В. Гайдукевич, О. В. Кудрявцев) учеными. См. сопоставление рецензий и обзоров в «Archeologia», V, 1952—1953 (1955), стр. 197 сл. (Ю. Зломецкий).

²⁰ К. M a j e w s k i, «Archeologia», III, 1952, стр. 24 слл. Высказывания проф. Тыменецкого (ук. соч., стр. 463 и passim) дают основание полагать, что и по его мнению большая часть римских изделий попала на наши земли путем товарообмена. См. A. G i e y s z t o r, «Kwartalnik Historyczny», LXI, 1954, вып. 1, стр. 114, № 74.

занное мной на VII съезде польских историков²¹, было признано убедительным²². Позже оно было повторено на основании археологических данных в моей монографии.

Здесь стоит отметить, что Альмгрен, Яан и многие другие объясняли разницу между «бедными» и «богатыми» погребениями этническими различиями. Но уже Эггерс замечает, что такое объяснение бросающейся в глаза разницы недостаточно (особенно в отношении к погребениям с римскими изделиями, представляющими значительную материальную и художественную ценность). Он правильно заявляет, что в «богатых» погребениях были захоронены местные жители из высших слоев населения²³. Очевидно, он считает эту элиту германской так же, как и все население тех земель в первые века нашей эры. С этим тенденциозным утверждением я не буду здесь полемизировать, так как в моих выводах речь не идет об этнических вопросах. К тому же они должны стать предметом специального исследования в связи с нашими археологическими работами по этногенезу славян.

Однако в данной связи стоит напомнить об аналогичных «княжеских погребениях» на территории Словакии. В Цейкове найдено богатое погребение с сосудами из бронзы, стеклянной миской, серебряным перстнем, золотым наплечьем и золотым ожерельем²⁴. В Страже Пьештянского района найдены «княжеские погребения» с бронзовыми ведрами, серебряным педялом, серебряной миской весом около 3 кг, сосудами terra sigillata и другими ценными импортными предметами²⁵. Также в Островянах Сабиновского района обнаружено много ценных предметов римского происхождения, среди них золотой кубок, четыре золотых фибулы и бронзовый треножник²⁶. Таких примеров можно было бы привести больше как из славянских, так и из германских земель вне границ империи.

Итак, появление «княжеских погребений» свидетельствует об определенной закономерности исторического развития населения этих территорий в первые века нашей эры, а именно о существовании племенных союзов во главе с «князьями», которых хоронили в богатых погребениях.

Что в обмен вывозилось из польских земель в Римскую империю?

По этому вопросу нельзя дать ответ, надлежащим образом подтвержденный источниками. Можно только высказать предположения на основании аналогий с другими странами, расположенными вблизи Римской империи. Давно уже принято полагать, что из наших земель вывозили меха, кожи, мед, перья птиц, скот, железо, янтарь, хлеб и рабов²⁷. Выдвигалось соображение, что ввиду трудностей транспорта малове-

²¹ K. M a j e w s k i, *Ziemie polskie w starożytności. Uwagi nad referatem prof. J. Kostrzewskiego, «Pamiętnik VII zjazdu...», стр. 185 сл.; см. отчет в «Kwartalnik Historyczny», LVII, 1949, стр. 414; ВИ, 1949, № 2, стр. 110 сл.*

²² Вероятно, так следует понимать слова проф. А. Гейштора, *ук. соч.*, стр. 117, прим. 90.

²³ Эггерс (*ук. соч.*, стр. 50) пишет: «Местные представители высшего общественного слоя (знатные, князья, цари), похоронный обычай которых отличается от ритуала похорон рядовых свободных и в значительной степени был обусловлен „международно-общегерманскими обычаями“». О так называемых «княжеских погребениях» он говорит: «следовательно, появление „княжеских погребений“ надо интерпретировать социологически, а не этнически». При этом он все же не упоминает, что не он впервые дал такое толкование. Близкую «социологическую» интерпретацию «княжеских погребений» из Лойны под Мерзебургом дает W. S c h u l z, Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit, Берлин, 1953, стр. 69 сл.

²⁴ J. Filip, *Praveke Československo*, Прага, 1948, стр. 307 сл.

²⁵ Z o t z, *Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit*, XVI, 1940, стр. 154 сл.; см. E g g e r s, *ук. соч.*, № 1978—1980.

²⁶ Filip, *ук. соч.*, стр. 307 сл., рис. 86.

²⁷ См. K. T u m i e n i e s k i, *ук. соч.*, стр. 497; ср. P r e i d e l, *Handel und Verkehr in den Sudetenländern während der ersten Hälfte des I. Jhd. n. Chr.*, «Südost-

роятной является гипотеза о вывозе хлеба из западнославянских земель, несмотря на то, что она подтверждается источниками для восточнославянских территорий. Заявлялось, что «умолчание римских источников о рабах также, пожалуй, соответствует действительности»²⁸. Думаю, что теми же средствами сообщения, что меха, кожи и янтарь, по тем же путям можно было перевозить и хлеб, используя в качестве носильщиков и извозчиков именно рабов, которые покупались в славянских странах.

Другие вопросы.

Ученые занимались также вопросом о том, какие технические усовершенствования были заимствованы из Римской империи. Касались они и вопроса об улучшении организации труда (считалось, например, что, возможно, организация труда в мастерских Пголомии восходила к паннонским образцам) и т. д. Об этом очень кратко говорилось в моей монографии и убедительно высказывался проф. Тыменецкий в вышеуказанном труде.

VI. РИМСКИЕ МОНЕТЫ

Многие ученые, как Садовский, Гумовский, Пиотрович и другие, занимались у нас исследованием римских монет. В данной статье невозможно даже в самой общей форме обсудить проблемы, связанные с римскими монетами. Поэтому я ограничусь только теми вопросами, которые имеют большое значение для оценки роли римских монет в экономике племен, обитавших на наших землях в первые века нашей эры, и которые ныне горячо обсуждаются и у нас, и в советской археологии.

Речь идет о том, использовались ли римские монеты на западнославянских землях и, в частности, в Польше в качестве сокровищ или как средство обмена. По мнению проф. Тыменецкого (ук. соч., стр. 485), они были средством обмена, аналогично тому, как это считают Б. А. Рыбаков, В. Ф. Гайдукевич, М. Ю. Брайчевский и ...Фенип, для населения восточной Европы (главным образом юга СССР) в первые века нашей эры.

По моему мнению, римские монеты в самом деле обладали обменной стоимостью у племен польских земель того времени, не только в обмене между римскими купцами и родовой верхушкой, а также и внутри этой верхушки, да и то, пожалуй, это имело место лишь в непосредственной близости к торговым путям и вблизи границ империи²⁹. Однако среди рядового населения, на землях, расположенных вдали от империи, римские монеты могли обладать только стоимостью металла.

VII. ПРОБЛЕМА НАЧАТКОВ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО УКЛАДА

Стремясь использовать в наших исследованиях все доступные археологические источники также и для проблематики производственных отношений, мы обращали осо-

Forschungen», IX—X, 1942—1945, стр. 46. Прейдель высказывает догадку, что германцы, проживавшие на территории Чехии и Моравии, торговали с римлянами, доставляя им, кроме хлеба, скота, кож и т. д., также рабов.

²⁸ A. Gieysztor, *Geneza Państwa Polskiego*, «Kwartalnik Historyczny», LXI, 1954, № 1, стр. 114.

²⁹ В. В. Кропткин (ВДИ, 1951, № 4, стр. 244 слл.) правильно, на наш взгляд, полагает, что римские монеты, находимые на территории Украины, свидетельствуют о денежном обмене между римскими купцами и верхушкой местных племен. Не убедили меня все же соображения М. Ю. Брайчевского, высказанные в расширенном виде в статье «О распространении римских монет у древних восточных славян», ВДИ, 1954, № 1, стр. 119—134 (см. рецензию Ю. Веловецкого в «Archeologia», VII, 1955, вып. 1), что римские монеты представляли собой средство уплаты при внутреннем обмене у антских племен. Если не ошибаюсь, в последней своей статье В. В. Кропткин (ВДИ, 1954, № 3, стр. 152—180) уже утверждает, что римские монеты имели среди восточных славян только металлическую стоимость. К сожалению, не могу согласиться и с этим мнением.

бое внимание на археологический центр в районе Иголомия. Наличие в этом районе больших групп гончарных и плавильных печей дало основание полагать, что в иголомийских керамических мастерских применялся труд рабов. Отсюда же возникло предположение, что в первые века нашей эры в южной Польше существовали начатки рабовладельческого уклада.

На конференциях в связи с тысячелетием существования Польского государства, обсуждая вопросы периодизации истории древней Польши, мы говорили о разложении первобытно-общинного строя, о военной демократии и об элементах феодального уклада.

В докладе на конференции в Калише в 1950 г. мною была предложена попытка периодизации последнего этапа истории древней и раннесредневековой Польши. В журнале «Kwartalnik Historyczny», LXI, 1955, стр. 209 и дал следующую несколько измененную формулировку: «Историю Польши с I по V в. н. э. можно охарактеризовать как период племенных союзов (военная демократия) с разлагающимся строем первобытной общины и с сосуществованием нарастающих феодальных элементов и недоразвитых элементов рабовладельческого уклада. В свете последних открытий в районе Новой Гуты в Иголомии кажется более правдоподобным тезис, что славянские племена на юге Малой Польши были экономически наиболее развитыми и что направление их развития шло от первобытной общины к рабовладельческой формации. Римское влияние ускорило процесс разложения первобытной общины в техническом отношении, но одновременно загнивающая рабовладельческая формация Римской империи тормозила этот процесс в социально-экономическом отношении, не допуская возникновения рабовладельческой формации на наших землях. Такая диалектика исторического процесса привела к тому, что элементы рабовладельческого уклада оказались задержанными, не развились рабовладельческие отношения у племен, проживавших на польских землях, они сразу перешли к возникавшей тогда в Европе более высокой социально-экономической формации — к феодализму».

Цитируемый тезис о возможности существования у племен южной Польши недоразвитого рабовладельческого уклада был впервые мной сформулирован на конференции историков в Москве в 1950 г.³⁰ Он был принят, пожалуй, положительно, — понятно, в качестве отправной точки для обсуждения³¹.

VIII. ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ В ДРЕВНОСТИ

В процессе изучения так называемого римского периода на польских землях польские археологи и историки обращали внимание также на проблему роли древних славян в падении Римской империи.

³⁰ Это была конференция советских и польских историков, организованная Институтом славяноведения АН СССР в Москве. См. КС ИС, 1951, № 4—5, стр. 68.

³¹ Проф. Генсель в «Przegląd Zachodni», 1953, № 6—8, стр. 59, прим. 15, и в «Slavia antiqua», II, 1949—1950, стр. 290. Также проф. Гейштор (ук. соч., стр. 114 сл.) прямо говорит: «Следует принять, что рабство выступало у нас в патриархальной форме в рамках родовой общины, однако кое-где, как, например, в южной Польше, могли существовать начатки рабовладельческого уклада». В пользу существования рабовладельческого уклада на землях Польши высказывается также проф. Ю. Бардах. В обработке его лекций по курсу «История польского государства и права» (Лодзь — Варшава, 1955, стр. 13) мы читаем: «Под Краковом, в местности Иголомия недавно открыты были два комплекса больших плавильных печей и многочисленные гончарные печи, происходящие от IV—V вв. н. э. и свидетельствующие о том, что в этом районе существовало производство на продажу. Столь значительные размеры производства подтверждают предположение, что в это время на польских землях могли иметь достаточно серьезное значение рабы, принадлежавшие племенной знати и эксплуатируемые ею».

Этот круг вопросов весьма интересует советских ученых, которые за последние годы неоднократно высказывались на эту тему. Эта проблема имеет общее значение для всех славянских земель, и ее нельзя рассматривать, ограничиваясь предками польских или даже вообще западных славян. Поэтому здесь необходимо учитывать взгляды всех ученых, занимающихся как западными, так и восточными славянами, принимая во внимание и сближения, и расхождения во взглядах.

В области этой проблемы выдвигались два следующих вопроса:

1. Был ли уровень производительных сил у славян в период падения Римской империи выше, чем у древних племен, переходящих от первобытно-общинной формации к рабовладельческой? В связи с этим уместно напомнить о дискуссионном тезисе В. Д. Корольюка, разделяемом многими советскими исследователями. В. Д. Корольюк считает (КС ИС, там же, стр. 74), что первыми классами в Польше были рабы и рабовладельцы. Однако рабовладение в Польше никогда не существовало как социально-экономическая формация, и польским славянам рабовладение было известно только в его патриархальной форме. Иначе и быть не могло, потому что, во-первых, начало процесса образования классов у польских славян проходило на базе более высокого уровня развития производительных сил, чем, допустим, в рабовладельческих обществах древнего Востока или античного Средиземноморья; во-вторых, потому что сами польские славяне активно участвовали в ликвидации очагов рабовладельческого способа производства в Европе и в строительстве феодального общества в Восточной Европе.

Приведенное мнение некоторые исследователи считают правильным; к ним принадлежат П. Н. Третьяков³², К. Н. Тарновский (ВИ, 1954, № 4, стр. 84), Ю. Бардах (ук. соч., стр. 14). По моему мнению, это высказывание правильно в своей первой части, но дискуссионно во второй³³. Доступные нам исторические источники не дают оснований для категорического утверждения о том, что уровень развития производительных сил у польских славян в период возникновения классового общества был выше, чем у племен древности в период зарождения у них рабовладельческого строя.

2. «Антиримский аспект». Отрицательно оценивая «проримский аспект» в изучении «римских влияний» на народы, проживавшие вблизи Римской империи, не следует впадать в противоположную крайность, как это сделал М. Ю. Брайчевский в статье, посвященной вопросу о «римских влияниях» на культуру восточных славян в древности³⁴. М. Ю. Брайчевский категорически утверждает, что экономические и культурные связи древних славян с Римской империей не имели прогрессивного характера, рекомендует отказаться от терминов «римский период» и «период римского влияния», предлагая называть время от I по VII вв. н. э. в истории восточных славян «антским периодом». Не считаясь с убедительными свидетельствами археологических источников, М. Ю. Брайчевский подвергает ревизии принятые в историографии взгляды на значение торговли славянских племен с Римской империей.

Концепция М. Ю. Брайчевского вполне правильно была подвергнута убедительной критике В. В. Кропоткиным и Н. Я. Мерпертом³⁵.

В связи с упомянутыми расхождениями в оценке римских влияний на развитие культуры славянских племен нельзя умолчать и о формулировках П. Н. Третьякова, которые, по-видимому, также являются дискуссионными. Он отрицательно оценивает римское влияние, заявляя (ук. соч., стр. 269), что «в окончательном итоге римское влияние пауперизировало славянские земли и племена; оно задерживало их социальное и в особенности экономическое развитие». Несколько ниже П. Н. Третьяков добавляет,

³² См. его статью в коллективном издании «Pierwsza Konferencja metodologiczna historyków polskich», Варшава, 1953, т. I, стр. 269.

³³ Дискуссионным считает этот тезис также и А. Гейштор «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej», II, 1954, вып. 4, стр. 607.

³⁴ «Археология» V (Киев), 1951.

³⁵ См. их рецензию в ВДИ, 1952, № 2, стр. 144 сл.; ср. СА, XVII (1953), стр. 255.

что на Украине римское влияние было отрицательным. По его мнению, лишь с V века там начинается развитие металлургии и гончарного дела, «как бы возрождаются многие старые местные традиции», а «культура после V века развивалась интенсивно именно потому, что население этой территории освободилось от римской экспансии». Он констатирует, что раскопки в Иголомии, свидетельствующие «о небывалом развитии ремесленного гончарного и металлургического производства именно в V и VI вв.», доказывают, что аналогично Украине развитие польских земель начинается после исчезновения римского влияния. Дальше П. Н. Третьяков полагает, что произошло падение римской духовной культуры (искусство, литература), следовательно, надстройки, представляющей собственность небольшой части римского общества, но что культура народных масс в границах Римской империи продолжала развиваться после падения Рима и что «одновременно быстро продвигалось развитие производительных сил».

Оба эти важных вопроса требуют дальнейшего всестороннего обсуждения.

IX. НЕДОСТАТКИ, ЗАДАЧИ И ТРЕБОВАНИЯ

Одним из недостатков встекшего десятилетия является слабое внимание к археологии римских провинций и археологии позднелатенского и римского периодов в районах, смежных с Польшей. Речь идет прежде всего об европейской части СССР, придунайских областях и о Чехословакии.

Определенное значение имело бы сравнение уровня культуры племен южной Польши с культурой племен Паннонии до римского завоевания³⁶. В частности, интересны сведения о племенном кельтско-иллирийском союзе эрависков, или арависков, обитавших в изгибе Дуная в районе Бригепция и Аквинна. Эти племена обладали не только высокой культурой, специализированным и сконцентрированным территориально ремеслом, богатой родовой аристократией, но, вероятно, и сильной «государственно-племенной» организацией. Известно, что до покорения их римлянами эрависки чеканили серебряную монету по образцу римского денария. Их «князь», вероятно, признал при Августе верховную власть Рима. Кажется, что после покорения этот племенной союз был «признан» римлянами, а старое территориальное деление у эрависков еще долго существовало в под римской оккупацией. Надпись CIL, III, 10418 свидетельствует, что еще в III в. н. э. недалеко от Аквинна существовала «civit[us] E[ra]vis[orum]»³⁷. Весьма правдоподобно, что племена эрависков и под римской оккупацией сохранили свою хозяйственную систему; основой их экономики продолжало оставаться земледелие и коневодство. На римских надгробиях из этой территории часто встречаются изображения лошадей, мулов и повозок³⁸. В римское время на землях этих племен, наряду с другими местными божествами, продолжали почитать также божество Седата, аналогичное Вулкану³⁹.

Подлинный расцвет торговли между племенами южной Польши и римскими провинциями начался после установления римской границы вдоль Дуная и после того, как был построен ряд кастеллов севернее Дуная. Наиболее продвинутым на север был Мушов. Кастеллы, группировавшие вокруг себя торговцев, купцов, маркитантов

³⁶ C. G r o s s, *Skizzen zur vorrömischen Culturgeschichte der mittleren Donaugenden*,..... стр. 480, 493, и *passim*.

³⁷ A. B e t z, *Illyrisch-keltisches aus dem Ager Carnuntinus «Laureae Aquincenses memoriae Valentini Kuzsinszky dicatae»*, т. 1, Будапешт, 1938, стр. 4; см. RE, VI (1909), стб. 389 слл.

³⁸ «Oesterreichische Jahreshefte», II, Beiblatt, стр. 65 сл., рис. 28 сл.; P. Bieńkowski, *Ueber skythische Wagen*, «Festschrift zu Ehren von E. Bormann», XXIV, 1902, стр. 162—165, табл. 1

³⁹ A. D o m a s z e w s k i, *Die Religion des römischen Heeres*, «Westdeutsche Zeitschrift», XIV, 1895, 1, стр. 55.

(*caprae*), были центрами не только местного обмена. А пограничные римские города, развивавшиеся из кельтских *oppida* (например, Карнунт, Аквинк), превратились в центры внешней торговли, центры распределения римских изделий, которые, несомненно, достигали и польских земель.

Здесь стоит упомянуть о глиняных сосудах, которые привозились в Силезию из придунайских районов. В местностях Лигота Велька Козлелского района и Закшув Олесницкого района найдены глиняные небольшие кубки, орнаментированные вертикальными углублениями и датируемые IV веком н. э. Сосуды такого типа, возникшие под влиянием изделий из стекла, производились в таких придунайских местностях, как Карнунт, Виндобона, Лавриак⁴⁰. Возможно, что упомянутые силезские предметы происходят из каких-то этих мастерских⁴¹. Местом их распространения мог быть Карнунт, откуда путем, ведущим через Моравские ворота, они, вероятно, достигали силезских племен.

Мы также должны хорошо ориентироваться в исследовательских достижениях по истории племен, проживавших в интересующий нас период на территории Чехословакии. Ибо правильно восстановить социально-экономические и политико-этнические отношения на территории южной Польши можно будет при условии не только полного использования археологических источников, но и путем привлечения аналогичного исторического материала. Особенную помощь окажут нам сведения по истории маркоманов и квадов, в частности об их борьбе с рамлянами и об их отношении к покоренным кельтским племенам.

Существование на территории Моравии и западной Словакии племенного маркоманского царства Маробода, а позже квадского племенного царства римского вассала Ванныи (*regnum Vannianum*), затем борьба германских племен — маркоманов, гермундуров, квадов и херусков — между собой и с римлянами не могли не найти каких-либо отзвучков среди смежных с ними племен. Вероятно, более спокойные времена содействовали торговым контактам и импорту кельтских и римских изделий, а в военное время, быть может, через Карпаты на наши земли пробирались военные отряды, следы которых сохранились здесь в виде римских изделий.

Насколько лучше можно будет оценить роль контактов наших племен, особенно из южной Польши, с провинцией Паннонией, если мы будем помнить о большой вероятности культурных связей между племенами бассейна Вага и населения, проживавшего на территории юго-западной Малой Польши⁴²! Исследования польских

⁴⁰ Глиняные сосуды с вертикальными углублениями были распространены по всей территории империи. Такие же типы сосудов характерны для территории Рейнской области и придунайских провинций. E. B o n i s [«Die Kaiserzeitliche Keramik von Pannonien (Ausser der Sigillaten). I Die Materialien der frühen Kaiserzeit» (Dissertationes Pannonicae, 2-я серия, № 20), Будапешт, 1942, стр. 42 сл., табл. XVII] дает обзор наиболее важных вариантов этого типа глиняных сосудов, находимых во многих местах раскопок на территории Паннонии (ср. табл. XXXV, 15, 10, 18). Сосуды этого типа встречаются в Британии и, как пишет Э. Бонис, производились в германских гончарных мастерских. Они около 400 г. н. э. появляются даже на территории Силезии, (A. A l f ö l d i, Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung... стр. 53). См. S. P a u l o v i c s, Funde und Forschungen in Brigetio (Szöny), «Laureae Aquincenses», II, Будапешт, 1941, стр. 163, табл. XXVII, 9; A. S c h ö r g e n d o r f e r, Die römerzeitliche Keramik der Ostalpenländer, Брно — Мюнхен — Вена, 1942, стр. 193.

⁴¹ E. K o n i k, Śląsk starożytny a imperium rzymskie, «Biblioteka Archeologiczna», стр. 36, прим. 32.

⁴² Источники к этой проблеме опубликованы в ценных работах чехословацких археологов. См, например, J. D o b r á š, Archeologické nálezy jako prameny pro dějiny stáří Říma z území dnešního Slovenska, «Obzor Praehistorický», I, 1922 стр. 65—90; о н ж е, Les Romains dans le territoire de la Tchécoslovaquie actuelle d'après les fouilles récentes, Extrait du V-me Congrès Internationale d'Archéologie,

(проф. Ямка), чешских и словацких археологов подтверждают, что в I и II вв. н. э. так называемая пуховская культура (Скала под Пуховом в бассейне Вага) имела общие черты с культурой некоторых племен, обитавших на север от Карпат вблизи Кракова, Тарнува и вплоть до границы Силезии⁴³. Некоторые исследователи, в частности, Я. Филип (ук. соч., стр. 361), связывают с янтарным путем даже воздействие наших земель на Моравию. Количество таких примеров можно легко увеличить.

Совершенно необходимо установить максимально тесную связь с исследователями той же проблематики в соседних странах. В частности, мы считаем абсолютно необходимым, чтобы наши молодые археологи работали над проблемой так называемых полей погребений на Украине и вообще на южных территориях СССР. Это связано с предоставлением им возможности участвовать в раскопках и пользоваться музеями в СССР. Без сотрудничества с советскими археологами невозможно надлежащим образом изучить контакты населения Польши с восточными римскими провинциями. Равным образом необходимо установление более тесного сотрудничества с чехословацкими, немецкими, венгерскими, а также с болгарскими и румынскими археологами.

Казимир Маевский

(Варшава, 1955 год)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РИМСКОЙ ДОРОГЕ ФИЛИППОПОЛЬ—ЭСК—ДАКИЯ

В результате ряда продолжительных войн, которые вели римляне, восточная часть Балканского полуострова была окончательно включена в состав римской империи и на ее территории были созданы две римские провинции: в начале I в. — Мезия¹ и в 46 г. — Фракия. Для окончательного закрепления своего владычества во вновь присоединенных землях полуострова, а также для осуществления политики дальнейшего расширения своих владений римская рабовладельческая держава позаботилась в первую очередь о постройке в чисто стратегических целях необходимых дорог. Помимо этого возводились необходимые *mutationes* и *mansiones*² для регулярной и удобной транспортровки государственного имущества, лиц и пр.³. По этим же дорогам для подавления вспыхнувших восстаний, отражения внешних нападений и т. п. перебрасывались римские легионы во внутренние и периферийные части империи.

О мерах, принимаемых по усовершенствованию таких дорог, свидетельствуют дошедшие до нас две мраморные надписи, одна из которых была найдена в местечке Балач, около села Бучино Софийской околии⁴, другая — в местечке Стенице

Алжир, 1933; о ней же, *Le strade romane nel territorio cecoslovacco, Le grandi strade del mondo romano*, V, Рим, 1937, стр. 5; *G r o b*, *Les restes du Limes Romain en Tchécoslovaquie*, «Eos», 1929, стр. 665, ислл.; *E. Šimek, Čechy a Morava za doby římské*, Прага, 1923.

⁴³ *J. Filip, Pradzieje Czechosłowacji*, Познань, 1951, стр. 359.

¹ Т. Д. З л а т к о в с к а я, *Мезия в I и II веках нашей эры*, М., 1951, стр. 44.

² Такого вида станции создавались на центральных римских дорогах еще во времена Августа, см., *G. H u m b e r t*, *DA, cursus publicus*, стр. 1655.

³ О римских дорогах, их строительстве, организации, месторасположении, а также расположенных на них станциях см. *RE, Mansio*, т. XIV, стб. 1231 слл., дополнительный т. VI, *Miliarium*, стб. 395 слл.; *DA, cursus publicus*, стр. 1645 слл.; *DA, via*, стр. 777 слл.

⁴ Античные памятники в Народный музей, ПАД, 1912, т. III, стр. 16, рис. 13.